

СЛИШКОМ МНОГО НОРМ ИЛИ СЛИШКОМ МАЛО НОРМ? «НОРМАЛЬНАЯ АНОМИЯ» КАК НОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

И.В. Катерный

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Рецензия на книгу: «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография / [Н.Н. Зарубина и др.]; под общей ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 281 с.

В рецензируемом издании предложен новый систематический подход к анализу сложных явлений современного мира на основе концептуализации понятия «нормальной аномии». Показано, что «нормальная аномия» представляет собой характерную для сложного социума дисперсию ценностей и норм, сопровождающуюся перманентной неопределённостью во всех сферах жизни общества. В рецензии отмечаются общие и отличительные черты нормальной аномии по сравнению с классическими представлениями о социальной дезорганизации, разработанными Э. Дюркгеймом, Р. Мертоном, Ж. Батаем и др.

Ключевые слова: нормы, аномия, нормальная аномия, риски, уязвимости, доверие.

По мере развития социологической теории в XX в. проблематика нормативности по целому ряду объективных и субъективных причин исчезла из социологического мейнстрима, переключившись в смежные с социологией социальные и поведенческие дисциплины – психологию, биологию, антропологию, криминологию и др. Однако, в XXI в. новые вызовы нормативному порядку со стороны побочных эффектов модернизации, глобализации и технологи-

УДК 303.01

Поступила в редакцию 14.04.2018 г.

Принята к публикации 12.05.2018 г.

ческих инноваций заново поставили вопросы о нарративном кодировании и декодировании ценностей добра и зла, жизни и смерти, знания и не-знания в современной культуре. Относительно недавно в социологии начали предприниматься заметные шаги по возрождению интереса к феномену нормативности, связанные в первую очередь с проектом «новой» социологии морали С. Хитлина и С. Вэйси, а также усилиями ряда крупнейших современных социальных теоретиков (Й. Элстер, Р. Будон, Дж. Тернер, Дж. Александер, С. Тернер и др.). Признание необходимости переосмысления некоторых релевантных этой проблематике теорий и понятий (в частности, «нормы», «морального убеждения/верования», «социетальной реакции на трансгрессию» и т.п.) требует обращения как к классическим истокам социологического мышления, так и к современным концепциям социальных изменений.

В отечественной социологии в последнее время также стали появляться работы, ориентированные на возрождение проблематики нормативности и нормативного морфогенеза как ключевой для социологии [6; 8; 9]. В этом контексте выход в свет коллективной монографии под редакцией профессора МГИМО С.А. Кравченко «“Нормальная аномия” в России и современном мире» стало ещё одним важным вкладом в развитие этого направления социологии. Книга включает в себя девять глав, посвящённых различным нормативным аспектам социальной действительности и объединённых идеей необходимости переоткрытия аномии как классического концепта социологической науки для описания и анализа процессов социальных и нормативных изменений.

Как мы можем охарактеризовать происходящие сегодня глобальные социальные изменения с нормативной точки зрения? Для этого философы и социологи прибегают к различным метафорам, неизменно акцентирующим нормативные и ценностные разрывы и смещения. Ж. Бодрийяр говорит о наступлении эпохи «тотальной симуляции», Дж. Ритцер пишет о «глобализации Ничто», З. Бауман описывает мир через процессы «адиафоризации», т.е. деморализации, накопления «моральной слепоты» и распространения «текущего зла». Однако в истории социологии есть именно научное понятие, которое имеет мощный эвристический потенциал для анализа современности с позиции нормативного морфогенеза. И это понятие аномии, которое в последние десятилетия непременно связывают с именем Р. Мертона, активно популяризовавшего его в своей теории девиаций, но именно от этого получившего очень сильные функционалистские (читай – устаревшие) коннотации.

В книге «“Нормальная аномия” в России и современном мире» авторы делают попытку реконцептуализировать аномию в русле современной социологии рисков и уязвимостей.

Как известно, сам термин «аномия» был введен Э. Дюркгеймом в социологию в скрытой полемике с К. Марксом о природе общественного разделения труда [2] как альтернатива понятию отчуждения. В противоположность Марксу Дюркгейм не видел имманентного классового конфликта в сфере материальных

отношений, если эти отношения урегулированы нормативным консенсусом. Более того, историческое развитие системы разделения труда ведёт не к ослаблению, а усилению этого консенсуса. Общество, по Дюркгейму, есть, прежде всего, ценностно-нормативное, а точнее, моральное сообщество. Однако, ускорение социальных изменений в современном мире может вести к эксцессам дерегуляции моральной сферы в ситуации экономических кризисов, столкновения классовых интересов или излишней профессионализации. В своей более поздней работе «Самоубийство» [3] Дюркгейм выделял уже две формы аномии – «хроническую» (иногда даже называемую «нормальной», когда речь идёт об «алчных вожделениях» коммерсантов), связанную с быстрым ростом экономического благополучия общества, и «острую», которая возникает в ситуации неожиданной утраты нормативных оснований действия (от развода до банкротства). В этом смысле привычный перевод «аномии» как общественного «безнормия», т.е. нормативного вакуума, не является полным. Такая ситуация характерна только для острой аномии, в то время как хроническая подразумевает избыток норм, но в то же время и их регулятивную слабость в сдерживании всё новых и новых человеческих импульсов. Поэтому, как утверждают некоторые исследователи, аномию обобщённо следует трактовать как «страдание, причиняемое от несдержанности желаний» [10, р. 16]. Оно может происходить либо из-за отсутствия референтных норм и нерегламентированной свободы, либо, наоборот, от невозможности удовлетворить все свои желания.

Какая же аномия свойственна современной эпохе? С.А. Кравченко как автор оригинальной идеи [6] обосновывает наличие в ней третьего типа, а именно новой «нормальной аномии», квинтэссенцией которой является производство и воспроизводство «перманентных неопределённостей во всех сферах жизни» (с. 54). Источником этих неопределённостей являются социальные «метаморфозы», т.е. радикальное усложнение общества в виде нелинейных трансформаций общественного сознания и социальных структур. Социальные нормы приобретают короткоживущий и одновременно трансгрессивный характер. Парадоксы, кентавризмы и антиномии, подчёркивает автор, приходят в нашу жизнь не на время, а навсегда. Возникновение и взрывной рост феноменов «не-мест», «не-людей», «не-вещей», «не-знания» и т.п. способствуют пролиферации нового, на наш взгляд, явления, о котором Дюркгейм вряд ли мог помыслить – явления «не-норм» как сочетания нормативно несочетаемого или как нормативно пограничного и неуловимого. Поэтому развиваемая авторами концепция нормальной аномии, отражая реалии сложного социума, подразумевает анализ «совокупности уязвимостей в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» (с. 18). В этом отношении заслуживает внимания данный в книге анализ такой характеристики нормальной аномии как парадоксальное сочетание рискофобии и рискофилии в человеческой деятельности. Сосуществование в одном социальном пространстве разных типов риска – традиционных рисков, рисков «общества риска» и «мирового общества

риска» – несут с собой определённые уязвимости для отдельных индивидов и общества в целом и заставляют рефлексировать относительно этих вызовов в форме страха и одновременно тяги к опасностям и угрозам. Нынешняя рискофобия амбивалентна для функциональности общества. С одной стороны, по мере нарастания рукотворного риска сам риск становится более “рискованным” и мы просто не знаем, каков уровень риска, и зачастую узнаем это лишь тогда, когда уже слишком поздно. Люди, живущие в обществе риска, становятся озабоченными не только своим культурным развитием, благосостоянием, но и гиперчувствительными к страхам от нарастания рисков. С другой стороны, будучи значимой частью общественного сознания, рискофобия позволяет избегать наиболее деструктивных последствий сложных рисков. Как указывает автор, в современной России в противовес либерализму, его принципам формализма, прагматизма и меркантилизма, культуре опасности, появились ростки гражданских инициатив и социальных движений, ведущих поиск альтернативных векторов человеческой деятельности (с. 59). Нормальная аномия также предполагает, что по мере дисперсии безопасности в обществе наряду с тенденцией рискофобии зарождается и получает развитие рискофилия, т.е. тяга к рискогенной активности, всему тому, что вызывает позитивные эмоции от деятельности, сопряжённой с повышенной степенью риска – от рискованных селфи до наёмничества. Если в индустриальном модерне в контексте доминирующего дискурса принятие заведомо опасных практик, которых можно было рационально избежать, трактовалось как “девиация”, то в обществе риска дискурсивной нормой для многих людей становится добровольное принятие риска. И в XXI в. рискофобия и рискофилия могут существовать не столько параллельно, но и создавая парадоксальные синтезы, подпитывая друг друга и побуждая людей к избеганию и к желанию рисков одновременно.

Конкретные формы и проявления рискогенности нормальной аномии рассмотрены другими авторами монографии на примерах разрывов в нравственных ориентациях российской молодёжи (глава 3), в практиках семейных отношений (глава 4), в социальных группообразованиях (глава 5), в символических контекстах социального неравенства (глава 6), в мифологии денег как символе «ничто» и «нечто» в сознании россиян (глава 7), а также в сфере религиозных практик и конфликтов, включая религиозный терроризм (глава 8) и, наконец, в области цифровой коммуникации (глава 9).

Итак, нормальная аномия ведёт к переопределению режимов морального оправдания действия и закреплению новых пределов возможного. В своих поздних работах Э. Дюркгейм совместно с М. Моссом открыли феномен нормативной трансгрессии в некоторых первобытных религиозных практиках, позволяющих членам сообщества иногда и при определённых условиях переходить границу между профанным и сакральным миром, нарушая тем самым строгие запреты и табу [7; 11]. Это было первым проявлением нормальной аномии в традиционном обществе, но её особенность заключалась в том, что подобные ситуации нор-

мативной трансгрессии носили регулярный, но всегда строго регламентированный и временный характер. Освобождение накопленной внутренней природной «ярости» коллективного организма, большую часть общественной жизни сдерживаемой социальными нормами базовой реальности, выполняла важную легитимирующую роль, т.к. временное ритуализированное снятие нормативных запретов вело не к разрушению социума, но к освящению существующего социального порядка. Как позднее об этом писал Ж. Батай, «организованная трансгрессия образует вместе с запретом единое целое, которым и определяется общественная жизнь. Никакая частота и регулярность трансгрессий сама по себе не вредит незыблемости запрета, будучи всегда его обязательным дополнением, подобно тому, как диастола дополняет систолу, или как взрыв провоцируется предшествующим ему сжатием» [1, с. 534]. В современном же мире мы видим рутинизацию трансгрессии в виде формирования пространства не-норм и соответствующих рискованных практик, элиминирующих онтологические и нормативные границы между человеческим и субчеловеческим (например, через легитимацию прав эмбрионов), между культурным и природным (например, через радикальные модификации тела), между живым и не-живым (например, через задействование гуманоидных роботов), а также между физическим и нефизическим (например, через развитие онлайн-коммуникации) [5]. Таким образом, происходит становление особой постсоциальности, где наряду с «морфологической свободой» (М. Мор, А. Сандберг) и «плоской онтологией» (М. ДеЛанда, Г. Харман и др.) нормальная аномия становится её характерным атрибутом.

В то же время, на наш взгляд, не следует сбрасывать со счетов и другие активные виды аномии, описанные и Дюркгеймом, и Мертоном. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, самой распространенной болезнью XXI в. становится депрессия¹, которая связывается с отсутствием у людей интереса к жизни (ангедонией). Причины такого состояния учёным до конца неизвестны, но ещё Дюркгейм писал, что в современном обществе «даже одно ощущение усталости способно породить безнадежное разочарование, ибо трудно не почувствовать в конце концов всей бессмысленности погони за недостижимым» [3, с. 342]. Другим словами, социальная хроническая аномия (anomie) в условиях всё нарастающей конкуренции и бесконечных стрессов порождает у людей перманентную внутреннюю дезорганизацию, которую Мертон в своё время предложил описывать отдельным понятием «anomia» и которая приобретает сегодня масштабы мировой пандемии в виде депрессии.

Можно ли бороться с аномией? Как указывают авторы монографии в конце книги, выживание в условиях нормальной аномии ставит вопрос об укреплении институтов и ценностей доверия как единственно возможном основании новой солидарности и социального порядка. На глобальном уровне речь должна идти о формировании космополитической этики, основанной на признании поликульту-

¹ Информационный бюллетень ВОЗ № 369 (февраль 2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru/> (дата обращения 01.02.2018)

турных форм жизни; на национальном уровне необходимо укреплять гражданское доверие к институтам власти, СМИ, медицине, призванных обеспечивать качественный уровень жизни людей; на микроуровне требуются усилия по гуманизации человеческих отношений на основе гуманистически ориентированного знания (с. 280). И социология в форме новой социологии жизни, строжайшей которой выступает изучение проблем гуманизации человеческих отношений, могла бы внести существенный вклад в обоснование новых форм доверия и признания между людьми.

Список литературы

1. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология / Пер. с фр. М.: Ладомир, 2006. С. 491-705.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. М.: Мысль, 1994. 399 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
5. Катерный И.В. Новая онтология и проблема социального порядка // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров — Электрон. дан. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 2556-2580.
6. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3-10.
7. Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с фр. СПб.: Евразия, 2000. С. 9-106.
8. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М.: Весь Мир, 2017. 288 с.
9. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Юнити-Дана, 2008. 543 с.
10. Coleman M. Anomie: Concept, theory, research promise. (Senior Honors Thesis). Oberlin College, 2014. URL: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=oberlin1402101670&disposition=inline (дата обращения: 01.02.2018).
11. Durkheim E., Mauss M. Primitive classification. London: Cohen & West, 2009.

Об авторе:

Илья Владимирович Катерный – к.ф.н., с.н.с. Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент МГИМО МИД России; 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: yarkus@mail.ru.

TOO MANY OR TOO FEW NORMS: “NORMAL ANOMIE” AS A NEW DEFINITION OF THE PRESENT TIMES

I.V. Katernyi
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-225-231

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Book under review: "Normal'naya Anomiya" v Rossii i Sovremennom Mire [Normal Anomie In Russia And Modern World]. Ed. S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO-University, 2017. (In Russian). 281 p.

The reviewed publication features a new comprehensive approach to grasp current complexities of the modern society by developing the conception of normal anomie. Authors contribute to reveal the nature of normal anomie as a dispersion of norms and values which entails a permanent reproduction and proliferation of risks and uncertainties in all spheres of human activity. In the provided review, normal anomie is addressed in reference to its common and distinctive features compared with classical sociological conceptions of societal and normative disorganization found in the works of such preeminent scholars as E. Durkheim, R.K. Merton, G. Bataille et al.

Key words: social norms, anomie, normal anomie, risk, uncertainties, trust.

References

1. Bataille G. *Erotika* [Erotism]. Proklyataya chast': Sakral'naya sociologiya. Moscow, 2006. (In Russian).
2. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow, 1996 (In Russian).
3. Durkheim E. *Samoubiystvo: sociologicheskiy etyud* [Suicide: a study in sociology]. Moscow, 1994 (In Russian).
4. Kara-Murza S.G. *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: causes and developments]. Moscow, 2013 (In Russian).
5. Katernyi I.V. Novaya ontologiya i problema social'nogo poryadka [New ontology and social ordering]. *Sociologiya i obshchestvo: social'noe neravenstvo i spravедlovost'. Proceedings of the V All-Russian sociological congress (Yekaterinburg, 19-21 October 2016)*. Moscow, 2016. P. 2556-2580 (In Russian).
6. Kravchenko S.A. "Normal'naya anomiya": kontury koncepcii [Normal anomie: framework of a conception]. *Sociologicheskiye issledovaniya*. 2014, no.8, pp. 3-10 (In Russian).
7. Mauss M. Oчерк o prirode i funkcii zhertvoprinosheniya [Sacrifice: its nature and functions]. *Social'nye funkcii svyashchennogo*. Saint Petersburg, 2000 (In Russian).
8. *Normy i moral' v sociologicheskoy teorii: ot klassicheskikh koncepciy k novym ideyam* [Norms and morals in sociological theory: from classical conceptions to new ideas]. Moscow, 2017 (In Russian).
9. Toshchenko Zh.T. *Paradoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man]. Moscow, 2008 (In Russian).
10. Coleman M. *Anomie: Concept, Theory, Research Promise*. (Senior Honors Thesis). Oberlin College, 2014. URL: https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=oberlin1402101670&disposition=inlinе (accessed 01.02.2018).
11. Durkheim E., Mauss M. *Primitive Classification*. London: Cohen & West, 2009.

About the author:

Ilya V. Katernyi – PhD. in Philosophy, Senior Researcher at Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at MGIMO-University. Krzhizhanovskogo Street, 24/35, korpus 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: yarkus@mail.ru.